

Ард Ри и платок Сионы

Алексей Кукушкин

Алексей Кукушкин

Ард Ри и платок Сионы

«Автор»

2026

Кукушкин А. Н.

Ард Ри и платок Сионы / А. Н. Кукушкин — «Автор», 2026

Ирландия, XIII век. Верховный король Ард Ри завоёвывает северные города, отстраивает Дублин и штурмует последний замок в центре острова. На этом фоне пятеро отчаянных торговцев пытаются не дать себя повесить. Дункан, старый пират, прячет за медной печатью многолетние долги; Роберт, трусливый и набожный, каждое плавание прощается с жизнью; их ученик Конор падает, теряет штаны и влюбляется в шпионку; вдова-красильщица Сиона хранит платок умирающей матери, а Мейв, потерявшая дочь, мечтает о доме у моря. Они торгуют лесом, серебром, солью и красками, но главный их товар, это обман: на весах, на локтях, на перевозке и на чужих слезах. Всё идёт криво, косо и смешно, пока королевский шпион не ставит их перед выбором: построить мост для замка или взойти на виселицу.

© Кукушкин А. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Святая Бригитта» и человек, который не умел плавать	5
Глава 2. Уотерфордская таможня и первая ложь	12
Глава 3. Письмо из Даунпатрика и серебряный спор	18
Глава 4. Лес из Пемброка и корабль, который не должен был плыть	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Алексей Кукушкин

Ард Ри и платок Сионы

Глава 1. «Святая Бригитта» и человек, который не умел плавать

"Мосты строят не из дерева, а из людей"

Автор

Мартовский ветер с Ирландского моря хлестал по выцветшим парусам когда «Святая Бригитта» так, будто сам святой Патрик решил испытать судно на прочность и ветер принёс с собой запах гниющих водорослей, сырой соли и чего-то ещё, неуловимого, что опытные моряки называли «духом перемен», а простые рыбаки просто «бедой». Впрочем, старый одноглазый ветеран двадцати штормов капитан Грег, только сплюнул за борт и велел поднять парус, потому что в его мире не существовало дурных примет, а существовали только вовремя поставленные паруса и вовремя взятые взятки, и тот, кто умеет торговать и с ветром, и с таможеней, никогда не останется без гроша в кармане.

На причале дублинского порта, где деревянные сваи были такими старыми, что в них застревают серебряные монеты вековой давности, стояла небольшая группа людей, и каждый из них смотрел на отходящий корабль с разной степенью тревоги. Один из них, назвавшийся, окружающим, именем Дункан Конлон, высокий, худой, с седеющими волосами, которые выбивались из-под потёртой шапки, потирал ладонями свою медную печать, которую носил на поясе как талисман и одновременно как оружие в торговых спорах.

Другой торговец - Роберт О'Мулдори, коренастый и круглолицый, то и дело крестился на видневшийся вдали шпиль собора Христа, хотя никто из команды не знал, какой именно святой ему помогает. Он сам, кажется, тоже не знал, но молился на всякий случай всем подряд, а Сиона, вдова красильщика с вечно красными пальцами и усталыми глазами, стояла чуть поодаль и молча сжимала в кармане плаща старый выцветший платок, который когда-то вышила её мать, умирая от лихорадки, и эта ткань помнила больше, чем могла бы рассказать любая книга о торговле в средневековой Ирландии.

Именно в этот момент, когда «Святая Бригитта» уже отчалила от причала на три добрых локтя (по мере дублинской гильдии, разумеется, а не по той, которой пользовались в Уотерфорде, где локоть был на два пальца короче), случилось то, что впоследствии Дункан называл «проклятием учеников», Сиона «первым уроком», а сам Роберт О'Мулдори, просто «днём, когда я понял, что моя жизнь никогда не будет скучной».

Шестнадцатилетний Конор, племянник Дункана, высокий, тощий, с руками, которые всегда были на три дюйма длиннее, чем нужно, и ногами, которые вечно путались друг в друге, как два пьяных пирата, решил, что момент отплытия, идеальное время, чтобы продемонстрировать свою ловкость и морскую выучку. Он разбежался по причалу, намереваясь грациозно перепрыгнуть на палубу, но на третьем шаге его нога зацепилась за верёвку, которой капитан Грег только что привязал пустую бочку из-под сельди, что-бы не потерялась, и он полетел вперёд, как мешок с гнилой картошкой, и приземлился носом прямо в ту самую бочку, да так громко, что чайки на соседней мачте взлетели в панике.

Бочка, которая, как оказалось, была наполнена не селёдкой, а остатками рассола и чешуи, разлетелась на две половины, и Конор оказался по пояс в липкой, солёной, смердящей жиже, которая немедленно залила его камзол (его любимый камзол, который он украл у Дункана за

день до этого и который был на два размера больше). Жижа начала стекать по его штанам ручейками, пахнувшими так, что даже старый портовый кот, дремавший на тумбе, открыл один глаз и с презрением отвернулся. Капитан Грег, чей единственный глаз вытаращился так, будто он увидел самого дьявола в образе этого мокрого ученика, захохотал так громко, что его капитанская шапка слетела с головы и упала в воду, где её тут же подхватило течение и понесло в сторону открытого моря, это была, как потом говорила команда, единственная потеря, о которой капитан искренне сожалел в тот день, так как, все остальные потери были менее заметными, но более значительными.

«Этот парень потопит мой корабль ещё до того, как мы доберёмся до Уотерфорда, — сказал Грег, вытирая слезы с единственного глаза и глядя на то, как его шапка уплывает в неизвестность, — если это случится, я привяжу его к мачте и сделаю из него пугало для чаек, потому что он даже на пугало не сгодится, ведь он слишком мокрый».

Произнеся подобное, капитан отвернулся, чтобы скрыть улыбку, потому что в глубине души он уже понял, что этот нескладный мальчишка будет лучшим источником развлечений за всё его двадцатилетнее плавание.

Торговец Дункан Конлон, который всё это время стоял на причале и смотрел на сцену с той смесью ужаса и обречённости, которую испытывает только человек, согласившийся взять на воспитание племянника-неудачника, закрыл лицо ладонями и издал звук, похожий на стон умирающего быка. Звук был настолько красноречивым, что Мейв, стоявшая рядом и наблюдавшая за всем с непроницаемым лицом, не выдержала и усмехнулась.

«Дункан, — сказала она, похлопывая его по плечу своей грубой, покрытой мозолями ладонью, — если этот парень выживет после первого же дня, он выживет после всего, и это уже не плохое начало, по крайней мере, он запомнится капитану, а это в нашей торговле дороже, чем хорошая репутация».

Дункан поднял на неё взгляд, полный боли и отчаяния, и прошептал: «Он запомнится капитану как человек, который лишил его шапки, ведь капитан Грег носил её двадцать лет, Мейв, двадцать лет, она пережила три шторма и одно пиратское нападение, а этот дурень утопил её за три секунды, и теперь Грег будет требовать компенсацию за шапку в каждом нашем рейсе».

Мейв только пожала плечами и ответила с той невозмутимостью, которая делала её незаменимой в любых переговорах: «Значит, мы запишем эту шапку как «торговые расходы» и спишем на налоги, ведь король всё равно берёт с нас столько, что одна капитанская шапка не сделает погоды, особенно если мы скажем, что она была сделана из французского сукна и стоила пять фунтов».

Конор, тем временем, выбравшись из остатков бочки и отплёвываясь от солёной воды, которая, казалось, проникла даже в его уши и нос, попытался изобразить нечто похожее на извинение, но вместо этого его нога снова запуталась в той же самой верёвке, и он рухнул на палубу во второй раз, на этот раз лицом вниз, прямо в лужу рассола, которую он сам же и создал. Команда, состоявшая из шести матросов разного возраста и степени изношенности, застонала в унисон, и один из них, молодой парень по имени Дермот, который был известен своим умением находить смешное в любой ситуации, сказал: «Капитан, если этот парень будет так падать каждый раз, когда мы выходим в море, нам не нужно будет покупать рыбу для команды, мы просто будем собирать её с его одежды».

Грег, который наконец-то перестал смеяться и начал думать о том, как управлять судном без своей любимой шапки, нахмурил свой единственный глаз и приказал: «Тащите этого мокрого воробья на камбуз и отмойте его, пока он не начал вонять так, что рыба будет выпрыгивать из воды, чтобы не чувствовать этот запах».

Когда Конора, который теперь был похож на вымокшую до нитки крысу, вытащили и поставили на ноги, он попытался поклониться капитану в знак извинения, но, как обычно,

промахнулся и чуть не свалился за борт. Его спас старый матрос по имени Паддиг, который служил на «Святой Бригитте» со дня её постройки и который, как говорили, помнил, как этот корабль выходил в своё первое плавание ещё при жизни деда капитана. Паддиг поймал Конора за шиворот, поставил на ноги и сказал с той философской невозмутимостью, которая приходит только после сорока лет на море: «Парень, ты упадёшь ещё тысячу раз, и после каждой падения ты будешь подниматься, и это главное, что нужно запомнить в этой жизни».

Юный Конор, который всё ещё был покрыт чешуёй и рассолом и который не мог понять, как его жизнь за какие-то пять минут превратилась из вполне обычной в полный фарс, спросил: «А как же мне стать хорошим купцом, если я даже на корабль не могу зайти нормально?»

Бывалый матрос Паддиг усмехнулся, обнажив коричневые остатки когда-то белых зубов, и ответил: «Хороший купец, парень, это тот, кто умеет падать и при этом зарабатывать на своих падениях, а ты, например, уже умудрился отвлечь всю команду от того, что мы вышли из порта без двух бочек солонины, которые забыли взять, и теперь капитан списал их как твою вину, а значит, ты уже стал частью бухгалтерии».

Сиона, которая не проронила ни слова за всё это время, стояла на палубе и наблюдала за этим хаосом с выражением лица, которое нельзя было прочесть, ведь она видела много неудачников в своей жизни, но этот мальчишка был особенным, потому что его неуклюжесть была настолько искренней и полной, что невозможно было не почувствовать к нему чего-то, что было больше, чем жалость. Она подошла к нему, когда Паддиг закончил свою речь, и, вынув из кармана свой платок (тот самый, вышитый матерью), протянула его Конору со словами: «Вытри лицо, ты похож на привидение, которое утонуло в бочке с огурцами».

Конор взял платок, который оказался тонким и выцветшим, но всё ещё пахнущим чем-то тёплым и далёким, и вытер лицо, оставив на ткани рыжие пятна от ржавого рассола; когда он вернул его обратно, он увидел, что на платке была вышита надпись, которую он не мог прочесть полностью, но которая заканчивалась словами: «...помнила, что есть красота даже в умирающем цветке». Он не понял, что это значит, но почему-то эти слова остались в его голове, как заноза, которая сама собой не выйдет.

Когда «Святая Бригитта» наконец набрала ход и Дублин начал исчезать в дымке утреннего тумана, Дункан и Роберт стояли на корме и обсуждали то, что было предметом их главной тревоги: не Конор, не бочки и даже не капитанская шапка, а письмо, которое они получили от красильщика Колина из Даунпатрика несколько дней назад. Это письмо, написанное на тонком пергаменте мелким, аккуратным почерком человека, который привык считать каждую каплю краски и каждую монету, лежало у Дункана за пазухой, и он то и дело касался его рукой, проверяя, не потерялось ли оно в суматохе.

«Колин хочет серебра, — сказал Дункан, обращаясь больше к себе, чем к Роберту, — не просто серебра, а двадцать четыре фунта стерлингов, он пишет, что его красители продаются как горячие пирожки в Уэльсе, и ему нужно сырьё для новых закупок, но если мы отдадим ему серебро, у нас не останется денег на лес, который мы планировали взять в Пемброке».

Роберт, который в этот момент крестился на очередной проплывающий мимо шпиль, на секунду отвлёкся от своих занятий и сказал: «А ты предложи ему не серебро, а рыбу, у нас есть те две бочки солонины, которые забыли взять, и если мы напишем, что это серебро, Колин не проверит, потому что он в Даунпатрике, а мы в Дублине, и расстояния между нами достаточно, чтобы забыть, о чём мы договаривались».

Дункан посмотрел на Роберта с тем выражением, которое появлялось на его лице каждый раз, когда его партнёр предлагал нечто настолько гениальное и одновременно настолько безумное, что это могло сработать только в том случае, если все обстоятельства сложатся именно так, как они задумали, а в истории их совместной торговли такие совпадения случались раз в десять лет и всегда заканчивались либо огромной прибылью, либо огромным скандалом.

«Ты предлагаешь продать Колину солёную рыбу под видом серебра? — спросил он, понижая голос до шёпота, так как рядом стояли матросы, которым не следовало знать о таких подробностях сделок. — Ты понимаешь, что Колин не дурак, он взвесит груз, и если вместо двадцати четырёх фунтов серебра он получит двадцать четыре фунта рыбы, он либо убьёт нас при следующей встрече, либо расскажет всем купцам в Даунпатрике, что мы мошенники».

Роберт усмехнулся своей фирменной усмешкой, которая появлялась на его лице каждый раз, когда он чувствовал, что его план гениален, и сказал: «Мы положим рыбу в кожаные мешки, которые мы привезли из Корка, они пахнут не рыбой, а кожей, и если мы добавим туда немного серебряной пыли, которую я сохранил от прошлой плавки, Колин сначала поверит, а когда распечатает мешки, мы уже будем в другом порту, и он не сможет нас найти».

Дункан вздохнул, потому что он знал, что этот план был настолько же безумен, насколько и типичен для Роберта, и что если они попытаются его осуществить, то либо получат огромную прибыль, либо потеряют всё, включая репутацию, которую они зарабатывали последние пять лет.

В этот момент к ним подошла Мейв, которая, как оказалось, стояла за их спинами и слушала весь разговор с тем выражением лица, которое она обычно использовала, когда знала что-то, чего не знали они и это что-то, судя по её спокойствию, было для неё не сюрпризом.

«Вы оба такие же хитрые, как две лисы, которые пытаются украсть одного и того же цыплёнка, — сказала она, скрестив руки на груди, — но вы забываете, что Колин тоже не святой, он торгует красками уже двадцать лет, и он знает все ваши уловки, потому что он сам ими пользовался, когда был моложе».

Она подошла ближе и добавила шёпотом, так чтобы никто из матросов не слышал: «И кроме того, я слышала, что у него теперь новый весовщик, который проверяет каждый груз, и этот весовщик получил задание от самого епископа Даунпатрика следить за честностью торговцев, потому что в прошлом году там был скандал с фальшивым серебром, и вы не хотите оказаться в центре второго такого скандала».

Дункан побледнел, потому что он слышал о том скандале, когда три купца были выгнаны из города и лишены права торговать в любом порту Ирландии, и их имена были вырезаны на позорном столбе на центральной площади, и с тех пор никто не смел обманывать кого бы то ни было в Даунпатрике.

Роберт, который всегда был более авантюрным, чем его партнёр, усмехнулся и сказал: «Епископский весовщик, это серьёзно, но мы не будем обманывать на весе, мы будем обманывать на содержании, ведь рыба в мешках из кожи Корка, это не фальшивое серебро, это просто... другая ценность».

Мейв посмотрела на него с той смесью восхищения и презрения, которую она испытывала ко всем мужчинам в их компании, когда они начинали говорить о своих планах, и сказала: «Ты когда-нибудь видел, что бывает, когда епископский весовщик находит рыбу вместо серебра? Он не просто выгоняет купцов из города, он проклинает их на пять поколений вперёд, и если ты думаешь, что сможешь вести дела в епархии Даунпатрика после такого проклятия, ты ошибаешься; я не буду частью этого, если только мы не добавим в сделку что-то, что сделает её честной хотя бы на бумаге».

Она вынула из своего пояса маленький пергаментный свиток и развернула его перед ними, это было письмо от английского купца, того самого, который торговал лесом в Пембroke, и в нём говорилось, что он готов продать им партию дуба по сниженной цене, если они согласятся перевезти его на своём корабле и оплатить половину стоимости сразу.

«Вот что мы скажем Колину, — сказала Мейв, тыча пальцем в письмо, — мы скажем, что у нас есть лес, который мы продаём в Уэльсе, и если он даст нам серебро сейчас, мы отдадим ему половину прибыли от сделки, это честно, и весовщик не сможет ничего сказать, потому что это будет не рыба, а настоящий бизнес».

Дункан задумался, в этом плане было что-то, что отличало его от обычных схем Роберта, а именно то, что он предлагал не обманывать, а договариваться; это было необычно для их компании и потому вызывало одновременно и надежду, и страх.

«Ты предлагаешь нам стать честными купцами на один день? — спросил он с иронией, но в голосе его уже слышалась искренняя заинтересованность. — Это будет первый день в нашей истории, и я не уверен, что мы выдержим такой удар по нашей репутации».

Мейв засмеялась, её смех был громким и резким, как крик чайки, и он прозвучал по всей палубе, заставив матросов обернуться: «Мы не будем честными, Дункан, мы будем просто чуть менее нечестными, чем обычно, достаточно, чтобы нас не проклял епископ, но достаточно, чтобы мы всё равно получили прибыль; это называется искусство компромисса, и если ты не научишься этому искусству, ты никогда не станешь великим купцом».

Она свернула свиток и спрятала его обратно за пояс, и в её движении было столько уверенности, что Дункан вдруг понял, что эта женщина знает что-то, чего не знают они, и это что-то касалось не только торговли, но и всего остального: жизни, смерти, выживания, того, как смотреть на мир, когда ты потеряла всё и всё равно продолжаешь идти вперёд.

Конор, который после своего позорного падения был отправлен на камбуз отмываться и теперь стоял на палубе, всё ещё мокрый, но уже немного более человечный, смотрел на эту сцену и пытался понять, о чём говорят взрослые; его юный ум, ещё не замутнённый годами обмана и торговли, не мог уловить всех тонкостей их разговора, но он понимал одно, что эти люди: его дядя Дункан, его партнёр Роберт и эта странная женщина Мейв, все они, были частью мира, в котором слова имели двойной смысл, а монеты никогда не были просто монетами. Он подошёл ближе, насколько позволяла его неуверенность, и спросил: «А что мы будем делать, если Колин всё-таки поймёт, что мы его обманываем?»

Все трое повернулись к нему, и на их лицах появились разные выражения: Дункан смотрел с усталостью, Роберт с раздражением, а Мейв с любопытством, как будто она видела в этом мальчишке нечто большее, чем просто нелепого ученика.

Мейв ответила первой: «Если он поймёт, Конор, мы скажем, что это была ошибка в расчётах, ошибка в документах, ошибка в перевозке, но никогда не говори, что это было сделано специально, потому что ошибку можно исправить, а намеренный обман можно только простить».

Она посмотрела на него так пристально, что он почувствовал себя маленьким и глупым, но в то же время в её взгляде было что-то, что говорило: «Ты ещё научишься, мальчик, ты ещё научишься».

Где-то вдаль, на горизонте, уже виднелись очертания Уотерфорда, города, который славился своей торговлей и своей таможней, и в этом городе их ждала первая проверка в этом плаваньи: таможенник, который, по словам Грега, брал взятки только копчёной рыбой и только в определённые дни недели. Дункан, который знал все слабости всех таможенников на западном побережье, начал вспоминать, какой день недели сегодня и какая рыба у них есть на борту, и его лицо становилось всё мрачнее, потому что он понял, что день у них был неправильный, а рыба весьма неподходящего сорта.

«Сегодня вторник, — сказал он, обращаясь к Роберту, — а вторник, это день, когда таможенник в Уотерфорде берёт только треску, потому что он считает, что сельдь в этот день плохая примета, и у нас на борту нет трески, у нас есть только сельдь, которую мы везём для Колина, и если мы предложим ему сельдь, он либо повысит пошлину, либо откажется нас пропускать».

Роберт, который всегда находил выход из самых сложных ситуаций, задумался на мгновение, а затем сказал: «У нас есть Конор, он выглядит как мокрая треска после своего падения в бочку, так что мы можем сказать таможеннику, что мы везём не просто рыбу, а рыбу, которая была выловлена в священный день и потому освобождена от пошлины; если он не поверит, мы

добавим, что это рыба с благословением епископа, а я знаю одного монаха в Корке, который за полпенса подпишет любую грамоту».

Конор, услышав это, почувствовал, что его участь решена, и что теперь он не просто ученик, а живое доказательство того, что его дядя и его партнёры готовы использовать всё и всех для своей выгоды, даже его позор, даже его падение, даже его мокрый камзол, который всё ещё пах солёной водой и чешуёй.

«Значит, я теперь треска? — спросил он, пытаясь улыбнуться, но улыбка вышла кривой, потому что он не был уверен, смеются ли они над ним или с ним. — Я не думал, что моё первое приключение на море начнётся с того, что меня назовут рыбой».

Мейв подошла к нему и, похлопав по плечу, сказала: «Ты не просто треска, ты наша треска, и если это поможет нам пройти таможеню, то ты станешь самой дорогой рыбой в этой гавани; а если мы заработаем на этой сделке, я куплю тебе новый камзол, потому что этот, как я вижу, уже никогда не отмоется».

Конор посмотрел на свой камзол, который действительно выглядел так, будто его вытащили из болота, и впервые за весь день улыбнулся широкой улыбкой, потому что он понял, эти люди, несмотря на их обман и хитрость, были его людьми, и они не дали бы ему утонуть, даже если бы он упал за борт.

Солнце уже начинало клониться к закату, когда «Святая Бригитта» вошла в воды Уотерфорда, и таможенник, толстый человек с красным носом, который подтверждал его любовь к крепкому элю, стоял на причале и ждал их с выражением лица, которое ясно говорило: «Я знаю ваши уловки, я видел их сотни раз, но я беру взятки, потому что без них моя работа слишком скучна».

Торговцы Дункан и Роберт приготовили свои аргументы, Конор стоял в стороне, пытаясь выглядеть максимально неубедительно, чтобы его не заметили, а Мейв и Сиона стояли у борта, наблюдая за этой сценой с той отстранённостью, которая позволяла им оставаться в стороне от основного конфликта. Капитан Грег, который всё ещё злился на Конора из-за потерянной шапки, швартовал судно с такой яростью, что казалось, будто он пытается привязать его к причалу не верёвкой, а своей ненавистью; но, несмотря на все их страхи, таможенник, осмотрев груз, взял свой привычный мешочек с монетами, кивнул и махнул рукой, разрешая им войти в порт. В этот момент все вздохнули с облегчением, потому что первый день плавания был завершён, и он не закончился катастрофой, хотя и был полон неожиданностей.

Когда они сошли на берег, оставляя команду на судне, Дункан обернулся и посмотрел на Конора, который впервые за всё время выглядел не просто нелепым, а почти человеческим; он подошёл к нему и сказал тихо, чтобы никто больше не слышал: "Ты, наверное, думаешь, что сегодняшний день был позорным, но я тебе скажу одну вещь, каждый великий купец начинал с того, что падал, и те, кто умел подниматься, становились теми, кто мог обмануть кого угодно, даже самого короля. Ты сегодня упал три раза, и ты поднялся три раза, а это значит, что у тебя есть потенциал».

Конор посмотрел на дядю с недоверием, но в глазах Дункана была такая искренность, что он вдруг поверил, что его неуклюжесть, это не проклятие, а дар, и что если он будет падать и подниматься достаточно долго, он станет кем-то, кого будут уважать, если не любить.

Именно в этот момент, когда вечерний ветер начал разгонять облака и в прорехе между ними показались первые звёзды, Сиона, которая всё это время молча смотрела на небо, вынула из кармана свой платок и, достав откуда-то маленькую иглу и катушку красных ниток, начала вышивать что-то на его углу, она вышивала не цветок и не крест, а маленькую лодку, которая плыла по волнам, и когда Конор спросил, что это значит, она ответила: «Это наша «Святая Бригитта», и это ты, и это все мы плывём, даже когда тонем, и это единственное, что имеет значение; когда я закончу этот платок, он станет моим флагом, и я буду носить его всегда».

Конор ничего не ответил, но он посмотрел на неё, на её руки с красными пятнами, на её выцветший платок и на маленькую лодку, которая начинала появляться на нём, и понял, что эта женщина сильнее, чем любой капитан или купец, которого он когда-либо видел, потому что она не просто торговала, а она помнила, и память её была глубже любого серебра или золота.

Ночь опустилась на Уотерфорд, и в таверне, которую они нашли у самой гавани, они сидели за столом, пили эль и обсуждали завтрашние планы, кому идти на рынок, кому говорить с покупателями, кому проверять бочки, и всё это было обычной рутинной для этих людей, но для Конора это было началом новой жизни, в которой он будет падать, вставать, падать снова и вставать опять, и в которой он, возможно, однажды научится не падать так часто, или хотя бы падать красиво. Он смотрел на них, на этих странных людей, которые обманывали друг друга и всех вокруг, но при этом держались вместе, и он понимал, что это и есть настоящая торговля, это и есть настоящая жизнь, и он был рад, что оказался здесь, а не в отцовской кузнице, где ему суждено было бы провести всю свою жизнь, пробивая лошадей и скучая, пока мир проходил мимо.

За окном шумело море, и казалось, что сама Ирландия дышит этим вечером, её дыхание было тёплым и влажным, как дыхание старого корабля, который видел больше, чем любой человек на этом побережье. В этом дыхании чувствовалась древняя сила страны, которая пережила и норманнов, и датчан, и теперь переживала очередного короля, который строил свои замки и требовал свои пошлины, но короли приходили и уходили, а купцы оставались, и их мелкие обманы и хитрости были тем, что делало эту страну живой и настоящей, как рыба, которую ловят в этих водах, как лес, который рубят в этих лесах, как серебро, которое прячут в этих мешках, как платок, который вышивают в тишине ночи, чтобы помнить, что даже у умирающего цветка есть своя красота.

Глава 2. Уотерфордская таможня и первая ложь

Порт Уотерфорд встречал торговцев запахом мокрого камня, гнилых водорослей и чего-то сладковатого, что доносилось с рыночной площади, где торговки продавали вяленую треску и медовые лепёшки. Запах смешивался с густым дыханием порта, в котором сотни судов грузили и разгружали товары со всей Ирландии, а из-за моря везли: шерсть из Коннахта, кожи из Корка, лес из Уэльса и серебро из Дублина. Каждый торговец знал, что в этом городе цена на любой товар определяется не только его качеством, но и тем, насколько ловко ты умеешь обходить таможенные пошлины.

Дункан стоял на палубе и смотрел на город, который он знал как свои пять пальцев, каждый переулок, каждый кабак, каждую лавку, где можно было продать или купить что-то, не задавая лишних вопросов. Его лицо было спокойным, но в глазах читалась та особая настороженность, которую испытывает человек, который собирается проверить сделку, о которой не должен знать никто, кроме его партнёров.

Роберт тем временем пересчитывал мешки с рыбой, которые лежали в трюме, и его губы шевелились, как будто он читал молитву, на самом деле он подсчитывал, сколько фунтов товара у них есть и сколько они заявят на таможне, потому что в этом разрыве и заключалась их прибыль, ведь он знал, что если разрыв будет слишком большим, таможенник, который имел нюх на обман не хуже, чем портовые собаки, мог потребовать проверки, и тогда всё рухнет.

«У нас сто двадцать мешков, — сказал он, подходя к Дункану, — но мы заявим только девяносто пять, остальные я спрятал за фальш-перегородкой, которую Грег сделал ещё в прошлом году, и если нас не будут проверять слишком тщательно, мы пройдем».

Дункан кивнул, но в голове его уже крутился другой план, более рискованный, но и более прибыльный, и он знал, что Роберт его не одобрит, поэтому решил пока ничего не говорить, пока не поговорит с Мейв.

Сиона сидела на корме, держа в руках свой платок, который она начала вышивать накануне, и добавляла на нём новые детали: маленькую чайку, которая парила над лодкой, и несколько капель дождя, которые падали с неба, и её пальцы двигались с той же лёгкостью, с которой когда-то двигались пальцы её матери, когда та учила её вышивать в те далёкие времена, когда мир был проще, хотя она знала, что мир никогда не был другим, просто она была моложе и верила в то, что всё можно исправить. Конор подошёл к ней и сел рядом, глядя, как игла проходила сквозь ткань, оставляя за собой красные следы, и спросил: «Ты всегда вышиваешь, когда волнуешься?»

Сиона подняла на него глаза, и в них было что-то, что он не мог прочесть, то ли печаль, то ли удивление, то ли благодарность за то, что он заметил то, что другие не замечали.

«Я вышиваю, когда хочу запомнить, — ответила она, и её голос был тихим, как ветер, который дул с моря, — я запоминаю всё, что мы пережили, чтобы, когда мы состаримся, я могла посмотреть на этот платок и сказать: «Да, я была там, я это видела, я это вышила».

Таможня в Уотерфорде располагалась в старом здании из серого камня, которое было построено ещё при норманнах и которое видело больше взяток и обманов, чем любой храм в Ирландии. Внутри этого здания сидел человек, которого Дункан знал лично и которого боялся больше, чем всех остальных таможенников на западном побережье, вместе взятых. Этого человека звали Томас МакГрат, и он был не просто чиновником, а бывшим моряком, который потерял ногу в бою с пиратами и с тех пор посвятил свою жизнь тому, чтобы ловить таких же мошенников, как он сам когда-то был, потому что, как говорили в порту: «Лучший охотник на волков, это тот волк, который пережил все ловушки».

Когда Дункан вошёл в его кабинет, он увидел, что МакГрат сидит за столом, на котором разложены всевозможные весы и гири: железные, медные, свинцовые, и каждый из этих

инструментов был проверен и перепроверен, чтобы ни один купец не мог обмануть его ни на унцию.

«Дункан Конлон, — сказал МакГрат, не поднимая головы, — я знал, что ты придёшь, потому что твой корабль уже два месяца не заходил в Уотерфорд, и это значит, что ты или что-то задумал, или что-то скрываешь. Давай не будем тратить время на любезности, просто показывай свои бумаги и говори, сколько у тебя товара».

Дункан положил на стол пергаментный свиток с перечнем груза, который был написан аккуратным почерком Роберта, и в этом перечне значилось девяносто пять мешков с рыбой, двадцать бочек с солью и пять тюков с шерстью, которые они планировали продать местным ткачам, всё честно, всё в соответствии с правилами, и Дункан знал, что МакГрат не найдёт ошибок, потому что в этом списке не было ошибок, а было только то, что ему нужно было видеть. МакГрат пробежал глазами по списку, затем поднял голову и посмотрел на Дункана своими маленькими, острыми глазами, которые, казалось, видели не только то, что лежало на столе, но и то, что происходило в голове его собеседника.

«Девяносто пять мешков с рыбой, — сказал он, и его голос был таким же острым, как его взгляд, — это на двадцать мешков меньше, чем ты обычно привозишь, Дункан. Ты что, потерял часть груза по дороге, или ты просто решил, что я стал хуже считать?»

Дункан замер, потому что он знал, что МакГрат заметит несоответствие, но он не ожидал, что тот заметит его так быстро, и ему нужно было найти ответ, который был бы правдоподобным и не вызвал бы подозрений.

«Мы продали часть рыбы в Дублине, — сказал он, стараясь говорить как можно более спокойно, — там оказался хороший спрос на сельдь, и мы не могли упустить возможность заработать, потому что, как вы знаете, торговля, это не только привозить и увозить, но и вовремя продавать».

МакГрат усмехнулся и его усмешка была похожа на лай старой, уставшей собаки, которая уже сто раз слышала эту историю и сто раз её разоблачала, и в этой усмешке было что-то, что заставило Дункана покрыться холодным потом.

«В Дублине, говоришь? — переспросил он, вставая из-за стола и подходя к окну, которое выходило на гавань, где стояла «Святая Бригитта». — Я слышал, что в Дублине сейчас плохие времена для сельди, потому что рыбаки в этом году выловили слишком много, и цена упала почти вдвое. Если ты продал там свою рыбу, ты либо самый глупый купец в Ирландии, либо ты лжёшь мне, Дункан, а я не люблю, когда мне лгут».

В этот момент в кабинет постучали, и на пороге появилась Мейв, она решила не ждать, пока Дункан провалит переговоры, и пришла сама, зная, что её присутствие может изменить исход разговора, потому что у неё был особый талант разговаривать с таможенниками так, как будто они были её старыми друзьями.

«Томас, — сказала она, входя в кабинет с улыбкой, которая могла растопить даже самое холодное сердце, — ты всё такой же подозрительный, как и в тот день, когда я впервые тебя увидела, помнишь, это было десять лет назад, когда ты только пришёл на эту должность, и я тогда сказала тебе, что ты станешь самым честным таможенником в Ирландии, и я не ошиблась».

МакГрат удивлённо поднял брови, потому что он не ожидал увидеть Мейв, и, хотя он знал, что она была одной из лучших переговорщиц в порту, он также знал, что она никогда не врала ему по-настоящему, а всегда оставляла ему путь для отступления, и этот путь был именно тем, что он искал.

Мейв села на стул напротив стола, скрестила руки на груди и начала говорить, медленно и уверенно, как человек, который знает, что он должен сказать, чтобы его собеседник поверил ему.

«Мы действительно продали часть рыбы в Дублине, — сказала она, — потому что, когда мы пришли в порт, мы встретили одного купца из Бристоля, который предложил нам цену выше, чем мы могли бы получить здесь, но мы не продали всю рыбу, потому что знали, что у тебя здесь тоже есть покупатели, и мы не хотим оставлять тебя без дела, поэтому у нас осталось девяносто пять мешков, и мы привезли их тебе».

Она говорила так убедительно, что МакГрат на мгновение задумался, и в его глазах мелькнуло что-то, что могло быть сомнением, но это мгновение быстро прошло, и он снова стал тем проницательным таможенником, которого все боялись.

«А что насчёт соли? — спросил он, возвращаясь к столу и садясь на своё место, — у тебя двадцать бочек, но я знаю, что ты обычно привозишь двадцать пять! Куда подевались остальные пять?»

Мейв посмотрела на Дункана, который сидел бледный и молчал, и поняла, что ей придётся взять инициативу в свои руки, потому что её партнёр был близок к тому, чтобы сознаться во всём, что было бы катастрофой.

«Остальные пять бочек мы оставили в Корке, — сказала она с той же уверенностью, — потому что тамошний купец предложил нам за них цену, которая была выше, чем здесь, и мы подумали, что нам выгоднее продать их там, чем везти сюда, но если ты хочешь, мы можем привезти их в следующий раз, когда будем проходить через Уотерфорд».

МакГрат долго смотрел на неё, потом перевёл взгляд на Дункана, потом снова на неё, и, наконец, сказал: «Хорошо, Мейв, я верю тебе, потому что ты всегда говорила мне правду, но если я узнаю, что ты меня обманываешь, я не буду больше с тобой разговаривать, а просто арестую твой корабль и оставлю его здесь, пока ты не заплатишь полную пошлину за весь груз, который ты на самом деле привезла».

Когда они вышли из кабинета МакГрата, Дункан выдохнул так глубоко, как будто он не дышал всё это время, и сказал Мейв: «Ты спасла меня, если бы не ты, я бы провалился, и мы бы потеряли всё, потому что он знает, что я лгу, он всегда знает, когда я лгу».

Мейв усмехнулась и ответила: «Томас не знает, когда ты лжёшь, он просто знает, что ты всегда лжёшь, и это его главное оружие, но он не знает, что иногда ложь может быть честнее правды, потому что иногда правда слишком жестока, чтобы её говорить, и в этом разница между ним и нами».

Она посмотрела на гавань, где «Святая Бригитта» стояла на якоре, и добавила: «Мы прошли первый этап, но у нас есть ещё два дня, чтобы продать товар и уйти до того, как кто-то начнёт задавать дополнительные вопросы. Я предлагаю начать с рынка, там есть один купец, который покупает рыбу оптом и не задаёт вопросов о происхождении, если ему дают хорошую цену».

Рынок в Уотерфорде был таким же шумным и хаотичным, как и любой другой ирландский рынок, здесь кричали торговки, мычали коровы, пахло свежим хлебом и старыми сапогами, и всё это смешалось в такой густой шум, что человек, попавший сюда впервые, мог бы потерять ориентацию и забыть, зачем он сюда пришёл.

Конор, который впервые в жизни попал на такой большой рынок, вертел головой во все стороны, пытаясь увидеть всё сразу, и его глаза горели таким любопытством, что Сиона, которая шла рядом, не выдержала и усмехнулась: «Не пытайся увидеть всё сразу, ты всё равно не запомнишь; просто смотри на продавцов, те, кто молчит, обычно продают самый лучший товар, а те, кто кричит, пытаются продать то, что не купят даже крысы».

Конор последовал её совету и заметил, что в углу площади, под навесом, стоял человек, который не кричал и не махал руками, он просто сидел и смотрел на проходящих мимо людей, и за его спиной лежали мешки, которые выглядели так же таинственно, как и он сам.

Дункан подошёл к этому человеку и сказал: «Здравствуй, Малахия, я слышал, что ты покупаешь рыбу оптом по хорошей цене», и человек, который оказался тем самым купцом,

о котором говорила Мейв, поднял на него свои усталые глаза и ответил: «Я покупаю только то, что могу перепродать, Дункан, и если ты привёз мне рыбу, которая не была заявлена на таможне, я могу заплатить тебе на два пенса за фунт веса меньше, потому что я должен компенсировать свои риски; но если ты привёз мне рыбу, которая прошла таможню, я заплачу тебе ту цену, которую ты просишь, потому что мне не нужно бояться, что меня арестуют».

Дункан задумался, потому что у него была и та, и другая рыба, заявленная и незаявленная, и ему нужно было решить, сколько и что он хочет продать, потому что если он продаст слишком много незаявленной рыбы, это вызовет подозрения, а если слишком мало, он не заработает достаточно, чтобы окупить все расходы на плавание.

Мейв подошла к Дункану и прошептала ему на ухо: «Продай ему половину заявленной и половину незаявленной, но скажи, что вся рыба заявлена; он поверит, потому что он хочет верить, и мы получим хорошую цену за обе партии, а если кто-то спросит, мы скажем, что Малахия купил у нас только заявленную рыбу, и у нас есть документы».

Дункан кивнул, и сделка была заключена за пять минут, мешки с рыбой пересчитали, взвесили, заплатили и погрузили на повозку Малахии, и всё это произошло так быстро, что Конор не успел даже заметить, как это случилось; он только увидел, как Дункан сунул в карман тяжёлый мешочек с монетами и сказал: «Это наше первое серебро, но не последнее».

Когда повозка Малахии скрылась за поворотом, Мейв повернулась к остальным и сказала: «Теперь нам нужно продать соль, и это будет сложнее, потому что соль контролируется церковью, и за её продажу нужно платить налог епископу. Если мы попытаемся обмануть церковь, нас проклянут не только на этом свете, но и на том, а это плохо для бизнеса».

Сиона, которая до этого момента молчала, подошла к Мейв и сказала: «Я знаю одного монаха в монастыре Святого Иоанна, он помогает мне с продажей моих красок, и он может подтвердить, что наша соль была куплена у него, если мы заплатим ему небольшую сумму, но не как налог, а как пожертвование, ведь церковь не проверяет, откуда взялась соль, если она прошла через монастырскую кладовую, и это лучший способ обойти налог».

Дункан посмотрел на Сиону с уважением, потому что он знал, что её связи в церковных кругах были её самым сильным оружием, и что без неё они бы уже давно разорились на налогах, которые требовали не только светские власти, но и духовные.

«Хорошо, — сказал он, — мы пойдём в монастырь Святого Иоанна и попросим монаха подписать нам бумагу, что наша соль была куплена у него; если он попросит пять пенсов, мы дадим ему семь, потому что, он всегда помнит тех, кто платит больше».

Когда они подошли к монастырю Святого Иоанна, который находился недалеко от центральной площади, Конор впервые в жизни увидел, как выглядят средневековые монастыри изнутри, с каменными стенами, толстыми дубовыми дверями и садом, в котором росли целебные травы и овощи для братии; здесь было тихо и спокойно, и этот покой контрастировал с шумом рынка, который они только что оставили за спиной. Монах, который встретил их у ворот, был старым и седым, с глазами, которые смотрели куда-то вдаль, и он жестом пригласил их войти и спросил: «Чего вы хотите, дети мои?»

Сиона шагнула вперёд и сказала: «Брат Брендан, я пришла к тебе с просьбой, которую ты можешь исполнить, если захочешь. Мы привезли соль из Корка, и нам нужно письмо, которое подтвердило бы, что мы купили её у монастыря, чтобы не платить налог епископа, который слишком высок для таких бедных купцов, как мы».

Монах посмотрел на неё с той мудрой улыбкой, которая появлялась на его лице каждый раз, когда он видел, что кто-то пытается обмануть церковь, но не слишком сильно, и сказал: «Я могу написать такое письмо, но цена его будет высока, Вы должны будете передать монастырю одну десятую часть соли, которую вы привезли, потому что даже у нас, святых людей, есть свои нужды».

Дункан задумался, потому что одна десятая часть была большей ценой, чем он ожидал, но он знал, что если не заплатить, они могут потерять всю соль, если власти узнают, что они пытались обойти налог; он посмотрел на Мейв, которая кивнула, на Сиону, которая улыбнулась, и сказал: «Хорошо, брат Брендан, мы согласны; мы принесём тебе десятую часть соли завтра утром, если ты дашь нам письмо сегодня».

Монах удалился вглубь монастыря и через несколько минут вернулся с пергаментом, на котором стояла печать монастыря Святого Иоанна, не печать епископа, но достаточно убедительная, чтобы таможенники и сборщики налогов не задавали вопросов, и Дункан, взяв этот пергамент, почувствовал, что его душа стала немного легче, хотя он знал, что это облегчение временное, и что вскоре ему придётся снова платить за свою хитрость.

Когда они вышли из монастыря, Конор посмотрел на Дункана и спросил: «А почему ты не сказал ему, что у нас на самом деле двадцать бочек соли, а не пятнадцать, и что мы могли бы заплатить ему за письмо больше, но он не узнает?»

Дункан усмехнулся и ответил: «Потому что, Конор, когда имеешь дело с церковью, лучше не обманывать больше, чем требуется. Они могут простить мелкую ложь, потому что знают, что все мы грешники, но если они поймают тебя на крупной лжи, они не простят тебя никогда, и тогда ты не сможешь торговать ни в одном городе Ирландии, потому что церковь контролирует всё, от налогов до человеческих душ».

Конор задумался, и в его голове что-то начало складываться, он начал понимать, что мир взрослых был намного сложнее, чем он думал, и что в этом мире нужно было не просто быть ловким, но и уметь выбирать, когда стоит обманывать, а когда лучше быть честным, даже если эта честность стоила дорого.

Остаток дня прошёл в хлопотах, они продали ещё часть товара на рынке, наняли местного возчика, чтобы перевезти оставшиеся мешки на склад, который они снимали в Уотерфорде уже несколько лет, и договорились со знакомой трактирщицей о том, что их команда будет ночевать в таверне «Золотой крюк», где подавали хороший эль и не задавали лишних вопросов.

Сиона, которая устала больше всех, сидела на скамье у стены и гладила свой платок, на котором уже появилась чайка, и когда Конор подошёл к ней, она сказала: «Сегодня был хороший день, Конор, хотя мы много лгали и обманывали; но знаешь, в чём главное искусство купца? Не в том, чтобы обмануть, а в том, чтобы обмануть так, чтобы никто не пострадал, и чтобы утром ты мог спокойно смотреть в глаза тем, кому ты лгал».

Конор сел рядом и спросил: «А можно вообще торговать честно и при этом зарабатывать?»

Сиона посмотрела на него с грустью, которая была старше её лет, и ответила: «Можно, но тогда ты будешь бедным и честным, а бедность, Конор, это тоже своего рода тюрьма, так что выбирай, либо ты будешь богатым и немного нечестным, либо бедным и честным, и в этом выборе нет ничего плохого, если ты знаешь, что выбираешь осознанно».

Ночь опустилась на Уотерфорд, и в таверне «Золотой крюк» за длинным дубовым столом сидели наши герои и пили эль, обсуждая планы на завтрашний день, им требовалось решить, сколько денег они хотят заработать на этой поездке и какие товары они хотят купить для обратного пути, потому что пустой корабль, это убыток, и каждый купец знал, что нельзя возвращаться домой без груза, который можно было бы продать с прибылью.

Роберт, который уже успел выпить три кружки, был более разговорчивым, чем обычно, и он начал рассказывать истории о своих прежних сделках, как он однажды продал королю Ирландии лошадь, которая оказалась больной, и как он убежал из замка через кухню, чтобы его не поймали; как он обманул английского купца на тридцать фунтов, просто поменяв местами надписи на мешках; и как он однажды чуть не женился на дочери графа, чтобы получить доступ к его землям, но в последний момент решил, что брак, это слишком дорогое удовольствие.

Дункан слушал его с улыбкой, потому что он знал все эти истории, и каждая из них была немного приукрашена, но в каждой была доля правды, и именно эта смесь правды и вымысла делала Роберта таким хорошим торговцем, ведь он умел продавать не только товары, но и свои истории, и никто не мог отличить, где заканчивается ложь и начинается правда.

Мейв, которая пила меньше всех, смотрела на эту сцену с той особой улыбкой, которая появлялась на её лице, когда она чувствовала, что всё идёт по плану, и шепнула Сионе: «Если завтра всё пройдет так же хорошо, как сегодня, мы заработаем больше, чем за весь прошлый год, и сможем начать думать о том, чтобы купить тот дом у моря, о котором мы говорили».

Сиона посмотрела на неё и ответила так тихо, что никто кроме них не мог услышать: «Я думаю об этом доме каждый день, Мейв, но я также думаю о том, что нам нужно будет не просто купить его, а защитить его, потому что мир, в котором мы живём, не любит тех, кто строит счастье без обмана, он разрушает их, чтобы они не нарушали общий порядок».

Мейв поняла её и кивнула, и в этом кивке было то, что невозможно передать словами, молчаливое согласие двух женщин, которые видели слишком много горя, чтобы наивно верить в то, что счастье можно построить просто так.

Конор, который сидел в стороне и слушал разговоры взрослых, чувствовал себя одновременно и частью их мира, и чужим для него, он ещё не научился видеть двойной смысл в словах, не научился различать, когда Дункан лжёт, а когда говорит правду, не научился понимать, почему Мейв иногда улыбается, а в глазах у неё печаль; но он знал одно: он попал в удивительное место, где каждый день был похож на приключение, и где даже обычные вещи: мешок с рыбой, бочка с солью, старый платок, могли рассказывать целые истории, если знать, как их слушать.

За окнами таверны шумел вечерний Уотерфорд, кто-то кричал, кто-то смеялся, кто-то плакал, и все эти звуки сливались в один большой голос города, который жил своей жизнью, независимой от них, но они были частью этого города и этой жизни, и это давало им силу, которой они не могли найти нигде больше.

На следующее утро они проснулись рано, потому что им нужно было успеть продать оставшиеся товары до того, как начнётся вторая волна покупателей, как говорил Дункан: «Утром продают самые дорогие товары, потому что все спешат, а к обеду спешат только те, кто покупает для себя».

Рынок уже начинал оживать, и Конор в этот раз чувствовал себя увереннее, он знал, что, если он упадёт, он встанет, и что это не конец света, а просто очередное падение, которое можно превратить в шутку или выгоду, если знать, как это сделать. Он помогал Сионе таскать мешки с солью, и, как ни странно, за весь день он не упал ни разу. Это было похоже на чудо, и когда вечером они вернулись в «Золотой крюк», чтобы отпраздновать удачную сделку, Дункан похлопал его по плечу и сказал: «Ты продержался целый день без падений, это уже достижение; если так пойдёт дальше, ты станешь настоящим купцом, и тогда мы возьмём тебя в самое рискованное путешествие, туда, где обманывают не купцы, а сами короли».

Несмотря на то, что Конор знал, что это была похвала с оттенком иронии, он всё равно гордился собой, он всё-таки научился чему-то за эти два дня, и он чувствовал, что его жизнь меняется, и что даже если ему суждено вечно падать, он может падать так, что это будет смешно и даже полезно для тех, кто рядом с ним. Сиона сидела напротив него и улыбалась, и в её улыбке было что-то тёплое и успокаивающее, как тот самый платок, который она вышивала, и он знал, что пока эта женщина рядом, ему нечего бояться, потому что она умела превращать даже самые тёмные моменты в светлые. В таверне было шумно и жарко, и казалось, что весь Уотерфорд собрался здесь, чтобы отпраздновать конец недели, но для них, для этих пятерых странных людей, это был просто очередной день, прожитый с прибылью, и они знали, что завтра их ждёт новый день, новые сделки и новые обманы, и что это была их жизнь, и они не хотели бы жить иначе.

Глава 3. Письмо из Даунпатрика и серебряный спор

Утро в Уотерфорде встретило их туманом, таким густым, что даже шпиль собора Христа, который обычно был виден из любой точки гавани, исчез в молочной пелене, и только крики чаек и звон колоколов напоминали о том, что город всё ещё существует, а не растворился в этом сером мареве, которое, казалось, проникло в каждую щель, каждую доску, каждую кружку с элем. Дункан стоял на причале, глядя на «Святую Бригитту», которая покачивалась на волнах, и в его руке было письмо, которое он уже перечитал десять раз за последние два дня, это было письмо от Колина из Даунпатрика, красильщика, который просил серебра и который мог стать либо их самым прибыльным клиентом, либо их самым большим разочарованием, и он знал, что сегодня им придётся принять решение, от которого зависело всё их будущее. Роберт подошёл к нему, зевая и почёсывая затылок, и сказал: «Ты опять читаешь это письмо? Дункан, мы уже сто раз обсуждали его; Колин хочет серебро, у нас есть серебро, но мы не можем отдать его просто так, потому что нам самим нужны деньги на лес, который мы планируем купить в Уэльсе; и если мы отдадим Колину всё серебро, мы останемся ни с чем, и тогда наша поездка в Пемброк не будет иметь смысла».

Дункан кивнул, но в его глазах было что-то, что Роберт не мог прочитать, то ли сомнение, или же страх, или что-то третье, что не укладывалось в обычные рамки их партнёрства, и это беспокоило Роберта больше, чем все таможенники Ирландии, вместе взятые.

«Я не хочу отдавать ему всё серебро, — сказал Дункан, наконец поднимая глаза от пергамента, — но я боюсь, что если мы не отдадим, он найдёт другого поставщика, и мы потеряем одного из наших лучших клиентов; Колин платит вовремя и не торгуется, а таких клиентов на рынке немного, особенно в такое время, когда многие купцы пытаются обмануть друг друга».

Роберт фыркнул, и этот фырк был похож на звук, который издаёт старый кот, когда видит, что его миску с молоком хотят унести, и сказал: «Если Колин уйдёт к другому поставщику, мы найдём другого красильщика; их много в Ирландии, и все они нуждаются в серебре, потому что красители продаются дорого, но не всегда приносят быструю прибыль; мы можем предложить лучшие условия, и Колин вернётся к нам, если не сейчас, то через год».

В этот момент из таверны вышла Мейв, одетая в свой походный плащ, с лицом, которое ясно говорило о том, что она не спала всю ночь, потому что обдумывала как раз этот вопрос, а именно, письмо Колина, серебро, лес в Уэльсе и все возможные варианты их развития; она подошла к ним и сказала без лишних приветствий: «Я всю ночь думала о Колине, и у меня есть предложение, которое может устроить всех, но вам оно не понравится, потому что оно требует от нас быть честными, хотя бы на один день».

Дункан и Роберт переглянулись, потому что слово «честность» в их компании было таким же редким, как дождь в июле, и они не были уверены, что готовы к такому испытанию.

«Какая честность? — спросил Дункан с подозрением, которое всегда появлялось в его голосе, когда он слышал что-то, что не укладывалось в его представление о торговле. — Ты хочешь сказать, что мы должны сказать Колину правду о том, что у нас нет серебра в таком количестве?»

Мейв усмехнулась, но в её усмешке была не ирония, а что-то вроде усталости, которая накопилась за долгие годы торговли и обмана, и она сказала: «Нет, я хочу сказать, что мы должны предложить Колину не серебро, а нечто более ценное, наши услуги по перевозке его красителей в Уэльс и обратно; он платит нам не серебром, а процентами от продажи его товаров, и мы получаем не фиксированную прибыль, а долю от того, что мы сами сможем продать; это честно, потому что мы рискуем вместе с ним, и это не честно, потому что мы всегда можем зависить цену на его товары, если будем продавать их в другом месте».

Дункан задумался, потому что в этом плане было что-то новое и необычное, они никогда не работали с процентами, предпочитая фиксированные суммы, которые можно было легко пересчитать и спрятать от налогов, но идея рисковать вместе с клиентом была соблазнительной, потому что, если красители Колина действительно продавались хорошо, они могли бы заработать гораздо больше, чем от простой продажи серебра.

«Это рискованно, — сказал он, — но я думаю, что это может сработать; но нам нужно написать Колину новое письмо, в котором мы объясним наше предложение, и это письмо должно быть составлено так, чтобы он не подумал, что мы его обманываем».

Сиона, которая стояла рядом и слушала разговор, тихо сказала: «Я могу написать письмо, потому что я знаю, как говорят красильщики; они любят длинные фразы и красивые слова, и если я напишу, что наше предложение «рождено из желания долгосрочного сотрудничества и взаимного доверия», Колин будет тронут и согласится, даже если он не до конца поймёт, что мы ему предлагаем».

Все посмотрели на неё с удивлением, потому что до этого момента никто не знал, что Сиона умеет писать такие письма, ведь она всегда казалась человеком, который предпочитает действия словам, и её молчаливость часто вводила в заблуждение даже тех, кто знал её долгие годы.

«Я умею писать, потому что мой муж учил меня, — сказала она, и в её голосе была та особенная грусть, которая появлялась каждый раз, когда она говорила о покойном муже-красильщике, — он говорил, что красильные рецепты нужно записывать так, чтобы их можно было прочесть через сто лет, и что каждое слово должно быть красивым, потому что красители заслуживают красивых слов, и я перенесла этот принцип на всё, что пишу».

Юный Конор, который сидел на бочке рядом с ними и внимательно слушал, чувствовал себя одновременно и причастным к их разговору, и чужим, он не умел писать красивых писем и не знал, как торговаться с клиентами, но он хотел научиться, и именно это желание было, возможно, его самым большим достоинством.

«А как вы думаете, Колин согласится? — спросил он, обращаясь ко всем сразу, и его голос дрогнул от волнения. — Он же красильщик, он привык получать серебро сразу, а не ждать, пока вы продадите его товары».

Мейв посмотрела на него с той смесью удивления и одобрения, которую она всегда испытывала, когда видела, что этот мальчишка начинает понимать что-то, чего не понимали другие, и сказала: «Красильщики, Конор, привыкли к тому, что их товары покупают не сразу, и что иногда нужно ждать, чтобы получить прибыль; Колин знает, что его красители стоят дорого, и он знает, что у нас есть связи в Уэльсе и Англии, которых нет у него; если мы предложим ему хорошую цену и быстрое время доставки, он согласится, потому что это выгоднее, чем просто продавать свою краску на местном рынке».

Они сели за стол в таверне, и Сиона достала из своей сумки пергамент и чернильницу, которую она всегда носила с собой, потому что, как она говорила: «Хороший купец всегда носит с собой чернила, потому что самая выгодная сделка может случиться в самом неожиданном месте».

Она начала писать письмо Колину, и её рука двигалась по пергаменту с той же лёгкостью, с какой её игла двигалась по платку, и слова, которые она выводила, были такими же красивыми, как и её вышивка, хотя все, кто смотрел на неё, знали, что за этой красотой скрывается та же хитрость, которая двигала всеми их действиями.

«Дорогой Колин, — писала она, и её голос был ровным и спокойным, — мы получили твоё письмо и с радостью узнали, что твои дела идут хорошо; мы хотим предложить тебе новую сделку, которая будет выгодна нам всем. Вместо серебра мы предлагаем тебе наши услуги по перевозке и продаже твоих красителей в Уэльсе и Англии, и взамен мы берём не фиксирован-

ную плату, а процент от прибыли, которую принесут твои товары; это позволит нам разделить риски и выгоды, и каждый из нас получит столько, сколько он заслужил вложенным трудом».

Когда она закончила письмо и передала его Дункану для подписи, он прочитал его и почувствовал, что оно было написано именно так, как требовалось, в нём было и уважение к клиенту, и предложение, которое нельзя было отклонить, и скрытая угроза, которая говорила: «Если ты не согласишься, ты потеряешь не только наши услуги, но и возможность продавать свои товары за морем».

Он поставил свою подпись, затем передал пергамент Роберту, который тоже подписал, и Мейв, которая добавила свою печать, и когда письмо было готово, Дункан сказал: «Теперь нам нужно отправить это письмо в Даунпатрик, но мы не можем послать его с обычным гонцом, потому что он может потерять его или отдать не тому человеку; мы должны найти надёжного человека, который доставит письмо и вернётся с ответом».

Мейв задумалась на мгновение и сказала: «Я знаю одного человека, он бывший моряк, который теперь работает на почтовой службе в Дублине; он честен и не берёт взятки, но он медлителен, и его послание может дойти до Колина только через две недели; если мы хотим получить ответ быстрее, нам придётся послать кого-то из нас самих».

И тогда все взгляды обратились на Конора, потому что он был самым молодым и, как они считали, самым неопытным, но в то же время он был тем, кто ещё не был известен в Даунпатрике и мог бы пройти незамеченным, если бы ему дали правильные инструкции.

«Ты поедешь в Даунпатрик, — сказал Дункан, и в его голосе не было сомнений, как будто он уже принял это решение много дней назад, — ты отнесёшь это письмо Колину, и ты привезёшь нам его ответ, и если он согласится на наши условия, ты вернёшься с его подписью и печатью; если он не согласится, ты вернёшься с его отказом, и мы будем искать другие пути».

Конор почувствовал, как его сердце забилося быстрее, потому что он никогда не был в Даунпатрике и никогда не выполнял таких важных поручений, но он также чувствовал, что это его шанс доказать, что он не просто неуклюжий мальчишка, а человек, которому можно доверять.

«Я поеду, — сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал уверенно, — я доставлю письмо и вернусь с ответом, и вы не пожалеете, что отправили меня».

Сиона подошла к нему и, достав из кармана свой платок, который теперь был почти закончен, сказала: «Возьми этот платок с собой, он будет тебе напоминать о нас и о том, что ты не один; если тебе станет страшно, посмотри на него и вспомни, что мы верим в тебя».

Конор взял платок, который уже начал пахнуть красками и морем, и сунул его за пазуху, чувствуя, как этот маленький кусочек ткани придаёт ему сил, которых он не ожидал в себе найти.

«Я вернусь, — сказал он, глядя на каждого из них по очереди, — и я привезу вам ответ, и мы начнём новую главу нашей торговли».

Он отправился в путь на следующий день, наняв лошадь у местного трактирщика, и его путь в Даунпатрик был долгим и скучным, а он не скучал и думал о том, как он будет говорить с Колином, какие слова он скажет, чтобы убедить его согласиться, и как он будет возвращаться с хорошими новостями; он думал о Сионе, о её платке, о её добрых глазах, о том, что она сказала ему перед отъездом, и о том, что он должен оправдать её доверие.

Когда он наконец добрался до Даунпатрика, то почувствовал, как его охватывает волнение, потому что этот город был таким же шумным и хаотичным, как и Уотерфорд, но в нём было что-то другое: запах краски, который витал в воздухе и который, как он знал, шёл от лавок красильщиков, работавших на центральной площади. Он нашёл лавку Колина, которая была расположена в конце улицы, и когда он вошёл внутрь, он увидел человека, который сидел за столом, погружённый в какие-то бумаги, и этот человек был Колин — полный, лысеющий,

с руками, которые были вечно испачканы краской, как у Сионы, но в его руках была не игла, а перо.

«Ты от Дункана? — спросил Колин, не поднимая головы, и его голос был спокоен и уверен, как у человека, который привык, что к нему приходят с предложениями и просьбами. — Показывай письмо, и давай не будем тратить время на лишние разговоры».

Юный Конор подошёл к столу и протянул письмо, стараясь, чтобы его руки не дрожали, и Колин взял пергамент, развернул его и начал читать, и его глаза быстро пробежали по строкам, и выражение его лица менялось от заинтересованности до удивления и снова до заинтересованности, и когда он закончил читать, он поднял глаза на Конора и сказал: «Ты знаешь, что в этом письме написано?»

Конор покачал головой, потому что он не читал письма, которое он нёс, и Колин усмехнулся, увидев его неведение, и сказал: «Ты не знаешь, но я тебе скажу, что твой дядя предлагает мне сделку, о которой я никогда не думал, но которая может изменить всю мою торговлю; он предлагает мне стать партнёром, а не просто клиентом, и это либо самый гениальный шаг, который он когда-либо делал, либо самая большая ошибка в его жизни».

Конор замер, потому что он не знал, что сказать, и его язык прилип к нёбу, и он почувствовал, что сейчас провалит это поручение, как провалил всё в своей жизни, но Сиона уже научила его одному важному правилу, когда не знаешь, что сказать, лучше просто молчать и ждать; он так и сделал, он молчал и смотрел на Колина, и это молчание, как ни странно, сработало, потому что Колин продолжил: «Ты молчишь, и это хорошо, потому что ты не пытаешься меня уговаривать; твой дядя знает, что слова ничего не значат, если за ними нет дела, и он отправил тебя сюда не для того, чтобы ты меня уговаривал, а для того, чтобы ты привёз мне его предложение и я должен сказать тебе, что я согласен».

Неуклюжий Конор почувствовал, как земля уходит у него из-под ног, и он переспросил: «Вы согласны? Вы согласны на наше предложение?»

Колин кивнул и, взяв новое перо, начал писать ответное письмо, в котором он соглашался на все условия Дункана, и когда он закончил, он поставил свою печать и передал Конору вместе с мешочком серебра, который, как он сказал, был «первым вложением в наше общее дело».

Конор вышел из лавки, чувствуя себя так, будто он держит в руках не просто письмо и серебро, а саму судьбу их компании; он поехал обратно, но в этот раз его путь был намного быстрее, потому что он хотел поскорее вернуться и рассказать всем о своей удаче, о том, что Колин согласился, и о том, что теперь они будут работать не просто как продавцы, а как настоящие партнёры, которые делят риски и прибыли. Он мчался по дороге, забыв о своей неуклюжести и о том, что лошадь может его сбросить, и когда он наконец добрался до Уотерфорда, он ворвался в таверну «Золотой крюк» с криком: «Он согласился! Колин согласился!», и все, кто сидел за столом, повернулись к нему с удивлением и радостью, потому что они не ожидали, что этот мальчишка принесёт им такие новости.

Дункан встал из-за стола, подошёл к Конору и, взяв у него письмо, прочитал его, и по его лицу пробежала улыбка, которую он не мог скрыть, и он сказал: «Ты сделал это, Конор, ты сделал это; ты привёз нам не просто письмо, а ты привёз нам будущее, которого у нас не было ещё несколько дней назад».

Роберт подошёл и хлопнул Конора по плечу, и даже Мейв улыбнулась, что было редким событием, и Сиона подошла к нему, взяла его за руку и сказала: «Я знала, что ты сможешь; твой путь в Даунпатрик был твоим испытанием, и ты прошёл его, и теперь ты можешь гордиться собой».

Конор, который всё ещё не мог поверить, что это произошло, смотрел на них, на этих людей, которые стали его семьёй, и чувствовал, как его сердце наполняется теплом, которое он никогда раньше не испытывал.

Вечером, когда они сидели за столом и праздновали свой успех, Дункан поднял кружку и сказал: «За Конора, который привёз нам удачу из Даунпатрика, и за Колина, который согласился на нашу сделку; я знаю, что мы много обманывали и хитрили, и я не обещаю, что мы перестанем это делать, но я обещаю, что это будет наш самый честный год, потому что Колин наш партнёр, а партнёров не обманывают; мы обманываем только тех, кто заслуживает быть обманутыми».

Все засмеялись и подняли свои кружки, и даже Сиона, которая обычно была сдержанной и серьёзной, засмеялась, потому что этот вечер был слишком тёплым и радостным, чтобы не радоваться, а за окнами таверны снова шумел Уотерфорд, и где-то вдалеке слышался лай собак и крики ночных сторожей, но все эти звуки не могли испортить настроение этой странной компании, которая доказала, что даже самые хитрые мошенники могут иногда быть честными, если того требует прибыль.

Глава 4. Лес из Пемброка и корабль, который не должен был плыть

Новости из Даунпатрика разлетелись по их маленькому мирку быстрее, чем морская чума по трюму корабля, и к концу недели каждый матрос на «Святой Бригитте» знал, что они теперь не просто торговцы рыбой и солью, а полноправные партнёры красильщика из Даунпатрика, и это знание придавало им весу в глазах портовых грузчиков и трактирщиков, которые начинали относиться к ним с чуть большим уважением, хотя в глубине души всё равно считали их обычными проходимцами.

Дункан сидел в своей каюте, разложив на столе карты побережья и списки товаров, и его палец водил по пергаменту, отмечая маршруты, по которым они могли бы перевозить красители Колина в Уэльс и обратно, но его мысли были заняты не только этим — перед ним лежало письмо от английского купца из Пемброка, который предлагал им партию леса по цене, которая была настолько низкой, что это казалось либо невероятной удачей, либо ловушкой, и он не мог решить, к чему склоняться.

«Лес из Пемброка, — пробормотал он, обращаясь к самому себе, — тридцать бочек дуба по цене двадцати, это слишком хорошо, чтобы быть правдой; либо этот купец сошёл с ума, либо он пытается избавиться от краденого товара, и если это краденый лес, мы можем попасть в такую историю, что нас не спасут ни серебро, ни связи с Колином».

Роберт, который вошёл в каюту без стука, как он всегда делал, услышал эти слова и усмехнулся с той особой усмешкой, которая появлялась на его лице каждый раз, когда он чувствовал, что его партнёр сомневается в чём-то, что для него было очевидным.

«Конечно, этот лес краденый, — сказал он, садясь на сундук, который стоял у стены, и его голос был таким же уверенным, как у человека, который видел сотни таких сделок и знал, как они заканчиваются, — но это не проблема, потому что все леса в Ирландии когда-то были чьими-то, и король не может уследить за каждым деревом, которое рубят в Уэльсе; если мы купим этот лес по низкой цене и продадим его в Типперери, где цена на дуб вдвое выше, мы получим хорошую прибыль, и никто не узнает, откуда он взялся».

Дункан поднял голову и посмотрел на своего партнёра с тем смешанным чувством усталости и восхищения, которое он испытывал каждый раз, когда Роберт начинал говорить о своих планах, и сказал: «Ты всегда видишь только прибыль, Роберт, но ты не видишь рисков; если этот лес действительно краденый, и если его владелец узнает, что мы его купили, он может потребовать компенсацию, которая превысит всю нашу прибыль, и тогда мы останемся не только без денег, но и без репутации, которая у нас ещё есть».

Мейв, которая стояла в дверях и слушала их спор, вошла в каюту и закрыла за собой дверь, и её лицо было таким же непроницаемым, как всегда, но в глазах её было что-то, что говорило о том, что она уже обдумала этот вопрос и пришла к определённом выводу.

«Дункан прав, — сказала она, обращаясь к Роберту, — мы не можем позволить себе купить краденый лес, потому что в этом году король начал следить за торговлей лесом особенно строго; говорят, что его люди уже арестовали трёх купцов в Корке, которые торговали краденым дубом, и они все теперь сидят в тюрьме и ждут суда, и суд этот будет быстрым и суровым».

Роберт вздохнул, потому что он знал, что Мейв никогда не говорит того, что не может подтвердить фактами, и что если она сказала о трёх арестованных купцах, значит, это действительно произошло, и он начал сомневаться в своём плане, хотя его жадность всё ещё боролась с его осторожностью.

Конор, который сидел в углу каюты и молча слушал этот разговор, чувствовал, как его сердце колотится от волнения, потому что он никогда не участвовал в таких серьёзных обсуждениях, и он боялся сказать что-то глупое, но в то же время он чувствовал, что у него есть мысль, которая может быть полезной для всех.

«А что, если мы купим этот лес, но не будем его продавать в Типперери, а отдадим его Колину, чтобы он использовал его для своих красильных чанов? — спросил он, и все повернулись к нему с удивлением, потому что никто не ожидал, что мальчишка может предложить что-то стоящее, — Колин нуждается в древесине для своих чанов, и если мы предложим ему лес не как товар, а как материал для его ремесла, это будет честной сделкой, и никто не сможет обвинить нас в краже, потому что мы просто перевозим сырьё для красильного производства».

Дункан задумался, и в его глазах мелькнула искра одобрения, потому что этот план был не просто хитрым, он был почти честным, и это делало его ещё более хитрым, потому что настоящая хитрость всегда прячется за маской честности.

«Это идея, — сказал он, и в его голосе звучало уважение, которого он раньше не проявлял по отношению к своему племяннику, — мы купим лес у английского купца, но мы не будем его продавать; мы отдадим его Колину в обмен на долю в его будущей прибыли, и тогда сделка будет выглядеть как обычное партнёрство, а не как сомнительная торговля краденым товаром».

Роберт, который всё ещё был недоволен тем, что его план по быстрой прибыли был отвергнут, но не мог спорить с логикой Дункана и Мейв, ворчал себе под нос, но согласился, потому что он знал, что когда Дункан и Мейв были согласны друг с другом, их было невозможно переубедить.

«Хорошо, — сказал он, поднимаясь с сундука и направляясь к двери, — но я всё равно поеду в Пемброк, чтобы проверить этот лес лично; если он окажется гнилым или плохим, мы не будем его покупать, даже если цена будет в три раза ниже».

Мейв переглянулась с Дунканом, и они оба кивнули, потому что они знали, что Роберт всегда был лучшим в оценке товаров, его глаза, привыкшие к обману и хитрости, могли определить качество древесины с первого взгляда, и они доверяли ему в этом вопросе, даже если не доверяли ему во всём остальном.

На следующий день «Святая Бригитта» снялась с якоря и направилась в сторону Уэльса, и путешествие через Ирландское море было спокойным, почти скучным, если не считать того, что Конор снова упал с лестницы, ведущей на камбуз, и разбил две глиняные миски, которые Грег, всё ещё злившийся на него из-за потерянной шапки, заставил его оплатить из своего жалованья, которое он, впрочем, ещё не заработал. Когда они подошли к берегам Пемброка, Дункан почувствовал, как его сердце забилось быстрее, потому что этот порт был известен своими хитрыми торговцами, которые могли продать тебе воздух в мешке, если ты не будешь внимателен, и он знал, что им нужно быть особенно осторожными в этой сделке, чтобы не стать жертвой более опытных обманщиков.

Английский купец, которого звали Уильям, оказался высоким, тощим человеком с длинными рыжими волосами и глазами, которые, казалось, видели сквозь стены, и он встретил их на причале с улыбкой, которая была слишком широкой для того, чтобы быть искренней, и эта улыбка сразу насторожила Дункана, хотя он старался не показывать этого.

«Вы Дункан Конлон? — спросил Уильям, протягивая руку для рукопожатия, — я слышал, что вы ищете хороший лес для своего нового дела в Ирландии, и я могу предложить вам лучший дуб в Пемброке по цене, которая вас удивит».

Дункан пожал его руку и почувствовал, что ладонь купца была влажной и скользкой, как у человека, который не привык к тяжёлой работе, но привык к лёгким деньгам, и это только усилило его подозрения, хотя он и не дал им проявиться на его лице.

«Я ищу только качественный лес, — сказал он, глядя Уильяму прямо в глаза, — и если ваш дуб действительно хорош, я готов заплатить вашу цену, но сначала я должен его увидеть и проверить».

Они прошли к складским помещениям, которые находились в конце причала, и когда Дункан увидел штабеля досок и брёвен, он был поражён качеством древесины, она была тёмной, плотной, без трещин и следов гнили, и казалось, что этот лес был срублен только несколько недель назад и хранился в идеальных условиях, что было редкой вещью для портовых складов, где товары часто гнили от сырости. Роберт, который уже начал проверять доски, подошёл к Дункану и прошептал ему на ухо: «Лес отличный, Дункан, я таких брёвен не видел много лет; если мы купим этот лес по цене, которую предлагает Уильям, это будет наша самая удачная сделка в этом году, но я всё равно не понимаю, почему он продаёт его так дёшево, это слишком хорошо, чтобы быть правдой».

Дункан кивнул, и его подозрения стали ещё сильнее, потому что он знал, что в торговле, как и в жизни, слишком хорошие предложения обычно скрывают опасность.

Мейв, которая также присутствовала при осмотре, подошла к Уильяму и сказала с той особенной улыбкой, которую она приберегала для таких случаев, когда ей нужно было выведать информацию: «Уильям, твой лес действительно прекрасен, и я не понимаю, почему ты продаёшь его по такой низкой цене; в Уэльсе такой дуб стоит в два раза дороже, так почему же ты не продаёшь его здесь, а предлагаешь нам?»

Уильям улыбнулся, и в его улыбке было что-то хищное, что говорило о том, что он ожидал этого вопроса и подготовил на него ответ.

«Потому что, — сказал он, подходя ближе к Мейв и понижая голос, — этот лес не совсем законный; он был срублен на землях, которые принадлежат одному аббатству, но аббатство сейчас пустует, и монахи уехали, и я думаю, что они не будут возражать, если их лес найдёт себе новых хозяев, которые будут использовать его с пользой».

Мейв не изменила выражения лица, но её глаза на мгновение сузились, и она поняла, что это было именно то, чего она боялась — лес был не просто краденым, он был церковным, и покупка такого леса могла привести к проблемам с самой церковью, которые были намного серьёзнее, чем проблемы с королём или таможеней.

«Церковный лес, — сказала она, и её голос стал холодным, как зимний ветер, — ты предлагаешь нам купить лес, который принадлежит церкви, и ты думаешь, что это сойдёт нам с рук? Ты знаешь, что церковь не прощает таких вещей, и что если они узнают, мы не просто лишимся нашего корабля, мы можем лишиться своих душ».

Уильям засмеялся, и в его смехе было что-то жестокое и безразличное, как у человека, который уже продал свою душу и не боится потерять ещё одну.

«Церковь не узнает, если вы не расскажете, — сказал он, и его голос стал шёпотом, — я дам вам бумаги, которые подтверждают, что этот лес был куплен у меня законно, и если кто-то спросит, вы скажете, что купили его у торговца из Пемброка, который получил его от своего поставщика; аббатство пустует уже два года, и никто не будет проверять, откуда взялся этот лес, потому что все монахи переехали в другой монастырь».

Дункан стоял рядом и слышал весь этот разговор, и его сердце билось так сильно, что он чувствовал, как кровь стучит в висках; он знал, что это была опасная сделка, но он также знал, что такой лес мог принести им прибыль, о которой они не могли и мечтать, и что если они откажутся, они могут не получить такого шанса никогда.

«Мы купим этот лес, — сказал он, и его голос звучал твёрже, чем он себя чувствовал, — но мы заплатим только половину цены сейчас, а остальную часть мы отдадим после того, как продадим его в Ирландии; если ты согласен на это, мы ударим по рукам».

Уильям усмехнулся и протянул руку для рукопожатия, и когда Дункан пожал её, он почувствовал, что его рука холодна, как у мертвеца, и это было дурным предзнаменованием, которое он не мог игнорировать, но уже не мог изменить.

Когда они грузили лес на корабль, Конор помогал матросам, пытаясь не упасть и не раздавить никого из них, и его мысли были заняты тем, как они смогут провести этот лес через таможеню, не вызвав подозрений, и как они смогут объяснить происхождение такого дорогого товара, если кто-то спросит. Сиона подошла к нему, когда он стоял на палубе и смотрел на штабеля досок, и сказала: «Ты думаешь о том, как мы будем прятать этот лес?»

Конор кивнул, и она продолжила: «Не думай об этом, потому что Дункан и Мейв уже всё придумали; они скажут, что это мы купили этот лес для Колина, и что у нас есть письма, подтверждающие это; если таможня проверит письма, они будут выглядеть честно, потому что Колин действительно ждёт от нас лес, и это не будет ложью, а просто, немного запутанной правдой».

Конор посмотрел на неё и впервые понял, что настоящая хитрость заключается не в том, чтобы придумывать сложные схемы, а в том, чтобы запутать правду так, чтобы её нельзя было проверить, и в этом был смысл их торговли и их жизни.

Хольк «Святая Бригитта» отчалила из Пемброка на следующее утро, и на её борту было тридцать ластов дуба, который, по словам Уильяма, был «святым» во всех смыслах этого слова, и этот груз был самым дорогим и самым рискованным, который они когда-либо перевозили. Капитан Грег, который знал о происхождении леса, но не подавал виду, что это его волнует, стоял на мостике и смотрел на уходящий берег Уэльса, и его единственный глаз был устремлён в горизонт, как будто он видел там что-то, чего не видели другие.

«Мы не должны были брать этот лес, — сказал он, обращаясь к Дункану, который стоял рядом, — это плохой лес, Дункан, не потому, что он гнилой, а потому, что он краденый; я чувствую это в своей старой кости, которая всегда предупреждает меня об опасности, и если мы не избавимся от него как можно скорее, он принесёт нам беду».

Дункан не ответил, потому что он знал, что Грег прав, но он также знал, что отступить уже поздно, и что теперь их единственной надеждой было то, что они смогут продать этот лес в Ирландии и получить прибыль раньше, чем монахи или кто-то другой догадаются, откуда он взялся. Весь оставшийся путь он провёл в раздумьях, перечитывая письма Колина и пытаясь найти способ сделать сделку легальной, хотя бы на бумаге, и когда они наконец прибыли в Уотерфорд, он почувствовал облегчение, смешанное с тревогой, потому что они были дома, но этот дом теперь был полон опасностей, которых они не замечали раньше.

Таможенник, который встретил их на этот раз, был моложе и более неопытным, чем Мак-Грат, и когда Дункан показал ему бумаги, в которых говорилось, что лес был куплен для крастьщика из Даунпатрика, он не стал задавать лишних вопросов, потому что он только недавно пришёл на эту должность и боялся показаться некомпетентным; он поставил свою печать на документы и пожелал им удачи, и когда они уже проходили ворота, Конор заметил, что в глазах таможенника мелькнула искра сомнения, но он не сказал ни слова, и они продолжили свой путь к складу, где должны были разгрузить лес.

В тот вечер, когда они сидели в таверне «Золотой крюк», празднуя удачное прохождение таможенни, Дункан поднял кружку и сказал: «Мы купили лес у Уильяма, и мы провезли его через таможеню, и теперь этот лес наш, и мы должны продать его так, чтобы никто не узнал, откуда он взялся; это наша последняя сделка такого рода, потому что мы больше не будем рисковать своей свободой ради быстрой прибыли».

Роберт кивнул, хотя в его глазах всё ещё горела та жадность, которая всегда двигала им, и Мейв усмехнулась, потому что она знала, что это обещание будет нарушено, как только появится возможность заработать больше.

Шестнадцатилетний Конор сидел в углу и смотрел на этих людей, которые снова обманули всех, и в этот раз их обман был более опасным, чем когда-либо, потому что он касался церкви и всего, что с ней связано; он думал о Сионе, которая вышивала свой платок, о Мейв, которая мечтала о саде, о Роберте, который боялся воды, о Дункане, который прятал свои страхи за медной печатью, и о том, что все они были частью этого бесконечного танца обмана и хитрости, который был их жизнью и их проклятием. За окнами таверны начинался дождь, и капли стучали по черепице, как маленькие молоточки, отбивающие ритм их судеб, и никто из них не знал, что этот лес, который они привезли из Пемброка, был началом истории, которая изменит их жизнь навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.